

Владимир Белоусов

Ведьмы соблюдают
топтыто во благо
и только из любви

- ☒ Любят чужих детей как своих
- ☒ Всегда имеют запасную сумочку
- ☒ Им так тяжело жить в этом мире
- ☒ Сохраняют в тайне свои самые
красивые
- ☒ Пытаются
- ☒ Поддерживают близких и друзей
- ☒ Прощают
- ☒ Понимают и принимают
- ☒ По возможности стараются
- ☒ Помогают своим друзьям

Все женщины после сорока ведьмы

Владимир Белоусов

**Все женщины после
сорока ведьмы**

«Автор»

2026

Белоусов В.

Все женщины после сорока ведьмы / В. Белоусов — «Автор»,
2026

После сорока женщина становится ведьмой. Не пугайтесь — это добрая магия. Её слова сбываются, желания исполняются, а ваши железные аргументы превращаются в труху. Инженер Антон проверял это целый год на своей жене Лене. Результат — двадцать правил и одно открытие: ведьмы используют силу только во благо. И только из любви. Смешная и добрая книга-подарок для женщин, вступивших в возраст мудрости, и для мужчин, которые хотят их понять.

© Белоусов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Глава 1. Балконная петунья	7
Глава 2. Китайский насос	12
Глава 3. Парковка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Белоусов

Все женщины после сорока ведьмы

Владимир Белоусов

От автора

Ведьмы — не в оскорбительном, негативном смысле. А в смысле появления и проявления у них мистических способностей. Их слова, желания — особенно высказанные в эмоциональном состоянии — имеют необъяснимое свойство сбываться. Для нас, мужиков, это иногда чревато неприятными последствиями. Проявление этого свойства часто ломает через колено всю мужскую логику, и нам приходится постепенно принимать его существование и стараться быть осмотрительными в процессе взаимного общения. Иначе можно легко схлопотать по полной.

Но они нас любят. И в глубине души желают нам добра. Именно по этой причине мы живы и даже частенько счастливы с ними. Бесполезно доказывать, что белое — это белое, а чёрное — это чёрное. Всё равно каким-то необъяснимым образом случится именно так, как сказала она — женщина-ведьма.

Я давно осознал эту невероятную способность и стараюсь использовать её в мирных целях. Ну, например, прошу жену обеспечить свободное место на парковке или отменить дождь на завтра и назначить солнечную погоду.

Мы так мало знаем друг о друге. А жизнь не перестаёт удивлять нас необъяснимыми чудесами.

Глава 1. Балконная петунья

Правило №1

Никогда не говори ведьме: «Да ничего не будет». Будет. Обязательно будет. Возможно, даже со сметаной на лице.

До сорока лет моя жена Лена была обычным человеком.

Ну как обычным... Она могла найти мои носки в том месте, куда я их точно не клал. Могла за три дня до зарплаты сказать: «Что-то денег маловато осталось», — и в этот же день из управляющей компании прилетала квитанция за какой-то мифический «перерасчёт отопления за 2018 год». Но я списывал это на совпадения. Я же инженер. У нас с совпадениями строго: если гайка М6, то и ключ должен быть на десять, а не «ой, я просто сильно захотела».

Сорокалетие Лены мы отметили скромно: я подарил ей сертификат в спа, дочка — кружку с надписью «Лучшей маме, которая всё может», а тёща произнесла тост, из которого все запомнили только фразу: «Ну всё, доча, теперь держись». Тогда я не придал этому значения. Зря.

Первый звонок прозвенел в субботу утром. Причём не метафорически, а буквально: в дверь позвонил курьер и вручил мне посылку. На коробке не было обратного адреса — только штамп «Лига женщин бальзаковского возраста» и приписка маркером: «Поздравляем! Вашей жене исполнилось сорок. Дальше — самое интересное. Эта книга поможет вам подготовиться».

Внутри оказалась книга «Магия женского счастья: как управлять реальностью силой мысли».

— Очередная рассылка, — хмыкнул я. — Сейчас чего только не присылают.

И положил её на полку между «Сопроматом» и «Справочником по железобетонным конструкциям». И забыл. А зря.

А через неделю случилась петунья.

У нас на балконе росла петунья. Вернее, росла — громко сказано. Она существовала. Вяло, с укоризной, как троюродный родственник, которого пригласили на свадьбу только потому, что обещали бабушке. Я должен был поливать её по графику, но у меня было много дел: чемпионат по футболу, ютуб с обзорами шуруповёртов, ну вы понимаете.

В то утро Лена вышла на балкон, увидела петунью и вынесла вердикт. Я сидел на кухне, допивал кофе и смотрел в телефон. Краем глаза заметил: стоит в дверном проёме, руки в бока, взгляд — как у следователя, который нашёл в багажнике то, что искал.

— Антон, — сказала она спокойно, слишком спокойно. — Ты её не поливал.

— Лен, я вчера поливал, — соврал я, не поднимая глаз. Врунишка из меня так себе: уши краснеют, даже если я просто думаю соврать.

— Посмотри на неё.

Я вышел на балкон. Петунья напоминала увядшую мечту. Листья скрутились в трубочки, цветы опустили головы, и даже земля потрескалась как пустыня в документалке про Сахару. Растение смотрело на меня с немим укором. И Лена тоже.

— Да ничего страшного, — сказал я бодро. — Полюю сейчас, и отойдёт. Что ты драматизируешь? Ничего не будет.

Вот это «ничего не будет» стало моей роковой ошибкой.

Лена прищурилась. Она не любит, когда я обесцениваю её тревоги. Даже если тревога относится к представителю флоры, который и так на ладан дышит с момента покупки.

— Ничего, говоришь? — переспросила она. — Ну-ну.

И пошла наливать себе чай. Без злобы, без истерики. Так, между делом. Как говорят «передай соль» или «завтра дождь обещали».

Через двадцать минут, проходя мимо балкона с лейкой в руках, она бросила через плечо — негромко, почти в сторону:

— Чтоб ты сам завял, как этот цветок. Может, тогда поймёшь, каково это — когда тебя забывают поливать.

Я усмехнулся и пошёл в гараж. У меня там был незаконченный проект — стеллаж для инструментов. Я пилил фанеру час, потом ещё час искал саморезы, которые сам же «аккуратно переложил, чтобы были под рукой». Всё было прекрасно. Я был бодр, весел и полон мужской уверенности в завтрашнем дне.

Аллергия? Да не, у меня аллергия только на антибиотики и на тещу, когда она говорит: «А я предупреждала».

А на следующее утро я проснулся и не смог открыть левый глаз.

Совсем. Как будто его заклеили изнутри. Я подошёл к зеркалу и отшатнулся. На меня смотрело лицо человека, которого покусали пчёлы, а потом он упал в крапиву. Правый глаз превратился в щёлочку, левый — в воспоминание о глазе. Нос распух и напоминал картофелину сорта «адретта» среднего размера. Губы... ну, в общем, Анджелина Джоли отдыхает.

— Ле-е-ен! — просипел я голосом, который бывает у людей после трёх пачек сигарет или у медведя, которого разбудили в феврале. — Кажется, у меня ал-лер-гия.

Лена прибежала, всплеснула руками и сразу превратилась в режим «жена-спасатель». Супрастин, обильное питьё, сметана на лицо (не спрашивайте), звонок в поликлинику, запись к аллергологу, ещё супрастин.

— У тебя же не было такой реакции никогда! — причитала она, намазывая мне щёки сметаной. — На что это ты так?

— Не зна-а-аю, — простонал я. — Может, пыльца. Может, амброзия. Может, твоя петунья мутировала и решила мне отомстить.

Лена замерла на секунду. Потом хмыкнула и продолжила мазать.

Три дня я пролежал на диване.

Три дня я был овощем. Нет, хуже — я был завявшим овощем. Я смотрел в потолок, изредка стонал и думал о тщетности бытия. Лена меня поила, кормила с ложечки и причитала: «Ну кто ж знал, что у тебя аллергия на цветение, ты ж говорил, что у тебя только на антибиотики и на тещу».

— На тещу у меня не аллергия, а идиосинкразия, — просипел я, пытаюсь шутить. Шутка не зашла. Сметана затекла в ухо.

На третий день вечером Лена села на край дивана, посмотрела на меня долгим взглядом, вздохнула и поцеловала в лоб — в единственное место, где ещё можно было разглядеть кожу.

— Всё, Антош, хватит. Давай, расцветай уже.

Я хотел ответить что-то ироничное про то, что я не петунья и не надо со мной проводить агротехнические манипуляции. Но сил не было. Я закрыл глаза и провалился в сон.

А наутро...

Наутро я открыл оба глаза. Нос был моим собственным носом, а не корнеплодом. Губы вернулись в исходное состояние, и я снова был похож на себя, а не на неудавшийся эксперимент по скрещиванию человека с кабачком. Я стоял перед зеркалом и не верил.

— Лена! — заорал я. — Я расцвёл!

— Ну и слава богу, — донеслось с кухни будничным тоном. — Иди завтракать, а то остынет.

Вот тут-то я впервые задумался. Серьёзно задумался. Я даже взял листок бумаги и записал хронологию событий:

1. Петунья завяла.
2. Лена сказала: «Чтоб ты завял».
3. Я завял. Основательно. С отёком и сметаной на лице.
4. Лена сказала: «Расцветай».
5. Я расцвёл.

Я посмотрел на этот список. Пять пунктов. Хотя, если честно, событий всего два. Два превращения: из здорового в опухшего и из опухшего в здорового. Причина одна — Ленины слова. Следствие одно — моё лицо. Воспроизводимость — стопроцентная. Для серьёзной ста-

тистики маловато, спору нет. Но для того, чтобы начать подозревать, что с моей женой что-то не так, — более чем достаточно.

Я уже собирался смять листок и списать всё на аллергию, как в дверь снова позвонили.

На пороге стоял курьер. Не тот, что приносил книгу неделю назад, — этот был помоложе, в синей ветровке с логотипом «Экспресс-доставка». Он протянул мне маленький конверт.

— Вам. Распишитесь.

Я машинально чиркнул ручкой, закрыл дверь и вскрыл конверт. Внутри лежала открытка. На лицевой стороне — букет ромашек и надпись: «С первым чудом!» А внутри — короткий текст:

«Уважаемый Антон! Мы рады поздравить вас с началом нового этапа семейной жизни. Ваша жена вступила в возраст мудрости и женской силы. Это прекрасное время, полное удивительных открытий. Не пугайтесь необъяснимых событий — со временем вы привыкнете и даже начнёте получать от них удовольствие. Главный совет: слушайте жену. Она знает лучше. С теплом и заботой, Лига женщин бальзаковского возраста».

Я перечитал открытку. Никакой конкретики. Никаких намёков на петунью. Но фраза «не пугайтесь необъяснимых событий» — после того, что случилось со мной вчера и сегодня утром, — звучала так, будто они знали. Как будто у них был какой-то график — и моя жена только что поставила в нём первую галочку.

Я тихо прокрался в коридор и достал с полки ту самую книгу. «Магия женского счастья». Открыл на случайной странице и прочитал:

«Женщина после сорока лет достигает пика своей интуитивной силы. Её слова, произнесённые в состоянии сильного эмоционального включения, способны влиять на реальность. Важно: сила не работает во зло, только в защиту, заботу или восстановление справедливости. Мужьям рекомендуется проявлять уважение и не доводить жену до состояния, когда она вынуждена применять силу».

Я уже собирался закрыть книгу, но заметил кое-что на полях. Пометки. Простым карандашом, аккуратным, явно не издательским почерком. «Работает. Проверено», — значилось напротив абзаца про интуитивную силу. Чуть ниже, другим почерком: «Сработало на третий день. Жена сказала — поцарапаешь машину. Поцарапал. Сильно». Ещё ниже, третьим: «Купите цветы заранее. Серьёзно».

Я закрыл книгу. Положил обратно. Выровнял по корешку «Сопромата». И пошёл на кухню.

Лена мирно намазывала масло на хлеб и напевала что-то из репертуара Анны Герман.

— Лен, — сказал я осторожно. — А ты не хочешь мне ничего объяснить?

— Что именно? — она подняла бровь.

— Ну... петунья, я, завял-расцвёл... Ничего необычного не замечаешь?

— Антош, — она улыбнулась своей тёплой улыбкой, от которой у меня восемнадцать лет подряд подкашиваются колени. — Ты просто мало спишь и много работаешь. Аллергия прошла — радуйся. Хочешь, я тебе с собой на работу пирожков дам? С капустой.

И я взял пирожки. А что оставалось?

Вечером, когда Лена смотрела свой сериал про врачей, которые спасают всех, но сами страдают от неразделённой любви, я сидел на кухне и думал. Открытка от Лиги. Книга с пометками. И Лена, которая предлагает пирожки вместо объяснений. Что-то во всём этом определённо было. Что-то, что я пока не мог сформулировать, но уже начал ощущать.

Я достал новый листок бумаги и написал:

«Правило №1: Никогда не говори ведьме „Да ничего не будет“. Будет. Обязательно будет. И, возможно, со сметаной на лице».

Я посмотрел на эту запись. Потом зачеркнул слово «ведьме» и написал «Лене». Потом снова зачеркнул и вернул «ведьме». Потому что — ну а как ещё это назвать?

— Антош, ты где? — крикнула Лена из комнаты. — Там твоё футбольная команда проигрывает, иди смотри, как они мучаются!

— Иду, родная! — отозвался я и пошёл в комнату.

Петунью в тот вечер я полил с запасом. На три дня вперёд. И ещё купил удобрение.

На всякий случай.

Глава 2. Китайский насос

Правило №2

Если ведьма сказала о какой-то вещи: «Она сломается», — она сломается. Если ты в ответ сказал: «Не говори глупостей», — она сломается ровно в тот момент, когда ты будешь максимально уязвим. Например, босиком и без штанов.

После случая с петуньей я стал внимательнее.

Не то чтобы я поверил окончательно. Мужской мозг так устроен: ему проще признать существование чёрных дыр в созвездии Девы, чем допустить, что родная жена может словом вызвать у тебя аллергическую реакцию. Поэтому я выбрал компромиссную стратегию: решил наблюдать и фиксировать. Как настоящий учёный. Чарльз Дарвин тоже не сразу в эволюцию поверил, а ездил на «Бигле» пять лет и собирал жуков.

Я стал собирать своих жуков.

Начал заносить в заметки телефона странные совпадения. Через неделю их набралось достаточно, чтобы заставить задуматься даже табуретку.

Вот несколько примеров:

— Лена сказала: «Что-то Вася Петров давно не звонил, не к добру это». Через два часа звонит Вася Петров и сообщает, что его повысили до начальника отдела и теперь у него нет времени ни на что, включая друзей и рыбалку. Формально она была права: «не к добру» для рыбалки и друзей. А для Васи — к добру. Но факт остаётся фактом.

— Лена сказала: «Надо бы зонт взять, чувствую, дождь будет». Я посмотрел на небо — ни облачка. Посмотрел прогноз — ноль процентов осадков. Посмотрел на жену — она уже совала мне зонт в рюкзак. Я закатил глаза и демонстративно оставил зонт дома. Через четыре часа я мокрый до нитки бежал от метро к дому, а дождь, судя по прямой линии сухой земли через дорогу, шёл исключительно надо мной. Точечно.

— Лена сказала: «Не ходи в этих кроссовках в гараж, у них подошва скользкая». Я пошёл. Я поскользнулся. Я проехал на спине три метра и остановился аккуратно под стеллажом, который, кстати, так и не доделал. Восемь банок с краской смотрели на меня сверху с немим осуждением. Лена ничего не сказала, когда я вернулся в дом, перемазанный солидолом. Она просто улыбнулась. Знаете, такой улыбкой, от которой хочется немедленно пересмотреть свою жизнь и записаться на курсы по технике безопасности.

Но всё это были мелочи. Цветочки, как говорила моя бабушка. Ягодка созрела в августе, когда я купил насос.

Это была гордость моей инженерной души. Китайский погружной насос для дачного колодца. Мощность — восемьсот ватт. Производительность — три кубометра в час. Цена — две тысячи триста рублей. Я нашёл его в интернет-магазине с названием «1000 мелочей для дома и сада», что должно было меня насторожить, но не насторожило, потому что там была

скидка тридцать процентов. А я простой человек: вижу скидку — теряю критическое мышление.

Насос приехал через три дня. Я достал его из коробки с тем трепетом, с каким археолог достаёт древний артефакт. Гладкий, серебристый, с гордой надписью «Made in China», что в переводе с языка международной торговли означает «сделан из надежды и скотча».

— Смотри, Лен! — я продемонстрировал покупку жене. — Восемьсот ватт, три куба в час, защита от сухого хода!

Лена оторвалась от книги. Посмотрела на насос. Потом на меня. Потом снова на насос. У неё было лицо человека, которому показали щенка сомнительной породы и говорят: «Смотри, он будет жить у нас». Она протянула руку, не прикоснулась, а как-то повела ладонью рядом с корпусом, словно сканировала ауру прибора.

— Антош, — сказала она с интонацией, которой обычно предваряют фразу «нам надо поговорить». — Ты бы вернул его обратно.

— Что? Почему?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Чувствую, что он сломается.

Я засмеялся. Не зло, скорее снисходительно. Как смеются люди, которые знают, что у насоса есть сертификат соответствия и гарантийный талон.

— Лен, не говори глупостей. Это серьёзный агрегат. Тут гарантия — целый год. Технический паспорт, видишь? Всё по ГОСТу.

— По какому ГОСТу? Китайскому? — она скептически хмыкнула. — Антон, я тебя прошу: верни. Не к добру эта покупка. Я прям чувствую — сломается. Причём так сломается, что ты расстроишься.

— Да брось ты. Не сломается. Гарантия — год. Это ж не предохранитель с таймером.

Вот это «предохранитель с таймером» стало моей второй роковой ошибкой. Первой была петунья. Но о петунье я уже рассказывал.

— Ну смотри, — сказала Лена и вернулась к книге. — Я тебя предупредила.

И знаете, что она сделала дальше? Она записала дату покупки. Достала телефон, открыла календарь и поставила напоминание. Я видел это краем глаза, но промолчал. Мало ли зачем женщине календарь. Может, у неё там фазы луны или расписание стрижки волос по звёздам.

Насос я установил в тот же день. Установка заняла четыре часа, потому что я трижды переподключал шланг, один раз уронил в колодец гаечный ключ и дважды ссорился с соседом, который подошёл дать ценный совет. Но к вечеру насос работал. Он гудел ровно, уверенно, с той спокойной мощностью, которая говорит: «Я китайский, но я стараюсь». Вода шла чистая, холодная, с тем самым вкусом детства, за который мы и любим дачу.

Лена подошла, потрогала струю пальцем, одобрительно кивнула. Но ничего не сказала. И это «ничего» почему-то прозвучало громче любых слов.

Прошёл год.

Насос работал. Я к нему привык. Я даже начал забывать о том разговоре. Ну сказала и сказала — мало ли что люди говорят. Женщины вообще иногда говорят странные вещи. Моя тёща, например, утверждает, что огурцы надо сажать исключительно в женские дни, иначе они вырастут горькими и кривыми. Я до сих пор не знаю, что такое «женские дни», но огурцы у неё отменные, так что я не спорю.

И вот наступил август.

Была суббота. Я проснулся рано, с тем прекрасным чувством, когда впереди два выходных и никаких обязательств. Потянулся, поцеловал сонную Лену в плечо, натянул треники и вышел на крыльцо. Утро было прекрасным. Солнце только поднялось над соснами, воздух пах хвоей и росой, где-то далеко куковала кукушка. Я решил полить огород до завтрака — такой вот образцовый хозяин, Лена оценит.

Босиком, по мокрой траве, я подошёл к колодцу. Включил насос. Он привычно загудел. Я взял шланг и направил струю на грядки. Вода пошла ровно, с хорошим напором. Морковка, свёкла, кабачки — все получали свою утреннюю порцию. Я стоял, улыбался и думал о том, как прекрасна жизнь, когда ты инженер с прямыми руками и умеешь выбирать надёжную технику.

А потом насос чихнул.

Знаете, есть такой звук — когда техника чихает не как простуженный человек, а как механизм, который внезапно осознал свою бренность и решил уйти в мир иной красиво. Звук был такой: «Хр-р-р-пссссс». И тишина.

Я замер. Вода перестала течь. Шланг в моей руке обмяк, как вялая спаржа.

— Ну давай, давай, — пробормотал я и пару раз щёлкнул выключателем.

Ничего. Тишина. Даже не гул, не щелчок реле. Полный, абсолютный, космический ноль. Такая тишина бывает только в двух местах: в открытом космосе и в колодце, где только что умер китайский насос стоимостью две тысячи триста рублей.

Я вздохнул. Вытер руки о треники. Полез в карман за телефоном — надо было найти чек, уточнить дату покупки. Я уже представил, как Лена скажет: «Я же тебе говорила», — и от этой мысли настроение испортилось окончательно.

Я достал телефон. Открыл заметки, куда записывал все Ленины предсказания. Нашёл запись: «Насос сломается. Ты расстроишься». Прошёл ровно год и одна неделя. Я хмыкнул — надо же, предсказание сбылось. Но расстраиваться я не собирался. В конце концов, насос — это просто железка. Две тысячи триста рублей. Подумаешь.

Я уже хотел убрать телефон обратно в карман, но тут он выскользнул у меня из рук.

Понимаете, есть такой закон — закон бутерброда, который падает маслом вниз. И есть его расширенная версия: телефон, выскользнувший из мокрых после шланга рук, падает не просто вниз, а в единственную на всём участке щель между досками колодезного настила. Именно в эту щель он и улетел. Красиво, с лёгким свистом, как будто прощаясь.

Я услышал глухой всплеск.

В колодце было метра три воды. Телефон ушёл на дно. А вместе с ним — все мои заметки. Все записи о Лениных предсказаниях. Таблица по машине. Хронология событий. И, кажется, ещё неотправленное сообщение Серёге про рыбалку.

Я стоял босиком на мокрой траве, смотрел в тёмную воду колодца и чувствовал, как внутри закипает что-то среднее между смехом и отчаянием. Насос сдох. Телефон утонул. Я — босиком, без кофе, в трениках, субботним утром, один на один со вселенной, которая только что популярно объяснила мне, кто здесь главный.

И тут до меня дошёл смысл Лениных слов. Она тогда сказала не просто «сломается». Она сказала: «Сломается так, что ты расстроишься».

Теперь я расстроился. По-настоящему.

Я пошёл в дом. Лена уже проснулась и сидела на кухне с чашкой чая. Она посмотрела на меня — босого, мокрого, с выражением лица человека, который только что проиграл битву с реальностью, — и спросила:

— Насос?

— Насос, — подтвердил я.

— А телефон?

Я вздрогнул:

— Откуда ты знаешь про телефон?!

— Ничего я не знаю, — сказала она и отпила чай. — Просто ты заходишь в дом с таким лицом, как будто потерял близкого родственника. И руки у тебя мокрые. И карман пустой. Я предположила.

— Телефон в колодце, — сказал я. — Утонул.

— Жалко, — сказала Лена искренне. — Там же все твои записи были.

— Все.

— Может, оно и к лучшему, — сказала она задумчиво. — Освободишься от прошлого. Начнёшь новую жизнь.

— Лен, я не хочу начинать заново. У меня там всё было — заметки, хронология, все наблюдения за год...

— Ну вот видишь. Может, тебе нужен был знак.

— Знак чего?!

— Что хватит записывать. Пора просто верить.

Я сел на стул и закрыл лицо руками. Она была права. Конечно, она была права. Она всегда права. И теперь это знание хранилось на дне колодца, на глубине трёх метров, в телефоне, который, скорее всего, уже никогда не включится.

— Лен! — я повысил голос. — Ты говорила это год и неделю назад! Ты предсказала с точностью до дня! Как?!

— Антош, ну что ты кричишь с утра? — она встала и накинула халат. — Не предсказала, а предположила. Китайская техника, что ты хотел? Вот и сломался. Совпадение.

— Совпадение?! Год и неделя?! Ты ещё тогда в календаре что-то отмечала!

— Я отмечала день рождения тёти Веры. У неё как раз двенадцатого августа. В прошлом году я забыла поздравить. Вот и поставила напоминание на одиннадцатое, чтобы заранее подготовиться.

Я замолчал. Правдоподобно. Очень правдоподобно. У тёти Веры действительно день рождения в августе. И Лена действительно забывает её поздравлять. Но...

— Лен, — сказал я очень серьёзно. — Ты сказала: «Он сломается ровно через неделю после окончания гарантии». И он сломался. Ровно. Через неделю.

— Я такого не говорила, — она нахмурилась. — Я сказала просто: «Он сломается». А про неделю — это уже ты сам придумал.

Я открыл рот, чтобы возразить, и закрыл. Потому что, честно говоря, я не помнил точных слов. Я помнил только суть: насос сломается. И он сломался. А детали... детали уже расплылись за год. Человеческая память вообще штука ненадёжная. В отличие от женских предсказаний.

— Ладно, — сказал я примирительно. — Допустим, я сам придумал про неделю.

— Вот именно. Омлет будешь?

— Буду.

Она открыла холодильник, а я вышел из дома, подошёл к колодцу. Пощёлкал выключателем насоса, словно проверяя, не приснилось ли мне всё это. Не приснилось. Насос молчал.

Я пошёл на кухню. Лена стояла у плиты и переворачивала омлет. Солнце светило в окно, отражалось от её волос, и она была в этом свете такая домашняя, такая обычная, что моя теория

о сверхъестественных способностях показалась мне бредом. Ну какая ведьма? Это же Лена. Которая боится пауков. Которая плачет над рекламой корма для собак. Которая забывает, куда положила очки, и потом находит их в холодильнике.

— Лен, — спросил я тихо. — А вот это всё... петунья, насос, дождь надо мной... это что, реально работает?

— Что работает? — она обернулась.

— Ну, твои слова. Они сбываются.

Она выключила плиту, положила омлет на тарелку, поставила передо мной. Потом села напротив, подперла щеку ладонью и долго на меня смотрела. Очень долго. Так, что мне стало не по себе.

— Антош, — сказала она наконец. — Я тебя восемнадцать лет знаю. Ты хороший. Ты добрый. Но иногда ты бываешь таким дураком, что единственный способ до тебя достучаться — это сказать что-то такое, что пробьёт твою инженерную броню. Если я скажу: «Антон, не покупай дешёвый насос, он плохой», — ты купишь. Потому что ты инженер и ты лучше знаешь. А если я скажу: «Он сломается», — ты хотя бы задумаешься. А если он потом реально сломается — ты задумаешься вдвойне. И, может быть, в следующий раз послушаешь меня с первого раза.

Она встала и пошла наливать чай.

А я остался сидеть над остывающим омлетом.

И до меня начало доходить.

Она же не предсказала поломку. Она её запрограммировала. Не сознательно. Не специально. А просто — она настолько сильно чувствовала, что этот насос — дрянь, что реальность подстроилась под её чувство. Или реальность изначально знала, что насос — дрянь, и просто поделилась с Леной инсайдерской информацией. Какой из вариантов верный — я до сих пор не знаю. Но, в любом случае результат одинаковый, и с того дня я перестал покупать технику без Лениного одобрения.

Теперь у нас ритуал: перед любой серьёзной покупкой я показываю товар жене. Она смотрит — не на характеристики, не на цену, а как-то внутрь вещи, словно сканирует её молекулярную структуру. Если говорит «нормально» — беру. Если хмурится — откладываю. Если молчит — жду. Если говорит «оно тебе надо?» — значит, надо, но она просто вредничает.

Ни одной неудачной покупки с тех пор.

Правило №2 я выучил наизусть. И вам советую.

Глава 3. Парковка

Правило №3

Если ведьма сказала: «Место будет», — место будет. Даже если для этого вселенной придётся эвакуировать три машины, перессорить двух водителей и создать временной парадокс на парковке торгового центра в субботу днём. Просто скажи «спасибо» и не задавай вопросов.

К истории с парковкой меня подтолкнуло отчаяние.

После случая с петуньей я начал вести дневник. Не то чтобы я планировал публиковать научную работу в «Вестнике паранормальных явлений», но мне хотелось систематизировать наблюдения. Инженер без систематизации — как рыба без воды: вроде живой, но уже не очень.

К тому моменту у меня накопилось три страницы заметок. Закономерность прослеживалась железная: если я делал ровно противоположное тому, что говорила Лена, — я страдал. Если слушался — всё было хорошо. Простейшая бинарная система, доступная даже моему инженерному мозгу. Но я всё ещё сопротивлялся. Мужская природа требует доказательств. Поэтому я решил провести эксперимент. Научный. С контрольными условиями. С гипотезой и верификацией.

В качестве полигона я выбрал парковку торгового центра «Мега» в субботу днём. Если вы когда-нибудь пытались припарковаться в «Меге» в субботу днём, вы знаете, что это занятие по уровню стресса сопоставимо со сдачей экзамена в ГИБДД, прыжком с парашютом и посещением тёщи одновременно. Только шансов на успех меньше.

Гипотеза была проста: если Лена скажет, что место найдётся, — оно найдётся.

В субботу утром я подошёл к жене с самым невинным выражением лица. Таким, с которым обычно просят денег в долг или разрешения купить бензопилу.

— Лен, — сказал я, помешивая чай. — Нам надо в «Мегу» съездить.

— Зачем? — она оторвалась от кроссворда.

— Ну... мне нужен новый шуруповёрт. Аккумуляторный. С регулировкой крутящего момента.

— У тебя уже есть шуруповёрт.

— Там аккумулятор не держит.

— Купи новый аккумулятор.

— Лен, это нелогично. Новый аккумулятор стоит почти как новый шуруповёрт. А к новому шуруповёрту идёт два аккумулятора в комплекте. Чистая экономия.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Я знаю этот взгляд. Он означает: «Я понимаю, что ты сейчас придумал гениальное обоснование для покупки ненужной вещи, и я могла бы тебя остановить, но мне интересно, чем всё закончится».

— Хорошо, — сказала она. — Поехали.

— Отлично! — я вскочил. — Только... у меня будет одна просьба.

— Какая?

— Скажи, что мы найдём место на парковке.

— Что?

— Ну, скажи. Просто скажи: «Мы припаркуемся прямо у входа». Или что-то в этом роде.

Лена отложила кроссворд. На её лице появилось выражение, которое бывает у учительницы, когда любимый, но трудный ученик наконец-то задал правильный вопрос.

— Антон, — сказала она медленно. — Ты хочешь проверить, работают ли мои слова?

— Я... — я замялся. — Нет, что ты. Просто. Ну. Для уверенности.

— Для уверенности, — повторила она. — А просто поверить мне на слово ты не можешь?

— Я верю! Я просто хочу... зафиксировать.

— Хорошо. Я скажу. Но с одним условием. Когда место найдётся — а оно найдётся, — ты ни слова не скажешь про «совпадение», «статистическую вероятность» и «ну подумаешь». Ты просто скажешь «спасибо». И всё.

— Договорились.

Она встала, взяла сумку, посмотрела на меня и произнесла будничным тоном, каким говорят «хлеб купи» или «мусор вынеси»:

— Мы припаркуемся прямо у входа.

Я кивнул и записал в телефоне время: 11:03. Мы выехали. Дорога до «Меги» занимает двадцать минут. Лена молчала и смотрела в окно. Мы подъехали в 11:25. Парковка была забита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.